

Кулешова Е. В. Проблема переосмысления достижений французской историографии XVI века в труде Филиппа Лаббе (1607—1667) «Новая библиотека рукописных книг» / Е. В. Кулешова, Д. Н. Старостин // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 341—355. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-341-355.

Kuleshova, E. V., Starostin, D. N. (2020). Problem of Reinterpretation of the Achievements of the 16th Century French Historiography in the Work of Philippe Labbe (1607—1667) “A New Library of Manuscript Books». *Nauchnyi dialog*, 1: 341-355. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-341-355. (In Russ.).

УДК 94(44).027

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-341-355

ПРОБЛЕМА ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ДОСТИЖЕНИЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVI ВЕКА В ТРУДЕ ФИЛИППА ЛАББЕ (1607—1667) «НОВАЯ БИБЛИОТЕКА РУКОПИСНЫХ КНИГ»

© Кулешова Елена Владимировна (2020), orcid.org/0000-0003-1021-4769, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия), e.kuleshova@spbu.ru.

© Старостин Дмитрий Николаевич (2020), orcid.org/0000-0001-9448-834X, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия), d.starostin@spbu.ru.

На примере ключевых историков так называемой «французской школы» показано, что тенденция историописания, заложенная в XVI веке, подверглась критической переоценке в последующий период. Авторы статьи показывают, что Ф. Лаббе (1607—1667) в своей работе «Новая библиотека рукописных книг» (*Nova Bibliotheca Manuscriptorum Librorum*) концептуально переосмыслил список тех историков, которые, по его мнению, заслуживают внимания его современников. Утверждается, что из поля зрения оказались исключенными труды, тематика которых была тесно связана с интересами национальных монархий. Отмечается, что Ф. Лаббе как представитель иезуитского ордена и, следовательно, выразитель интересов католической церкви настаивал на необходимости сотрудничества между папством и французским королевством. Подчеркивается, что, с точки зрения Лаббе, внимания заслуживали те исторические труды XVI века, которые подчеркивали прежде всего общую историческую судьбу западноевропейских государств под эгидой церкви и папства как продолжателей традиции Римской империи перед угрозой распространения Реформации. Авторы приходят к выводу, что переоценка работ французских историков XVI века исследователями последующего поколения далеко не всегда определялась сугубо конфессиональной точкой зрения или близостью к королевской власти.

Ключевые слова: Филипп Лаббе (1607—1667); Бернар Дюгуйан; Этьен Паскье; Франция; королевская историография.

1. Постановка проблемы

Современные исследователи, изучающие эпоху XVI—XVII веков, как правило, сходятся во мнениях относительно тех путей, которыми развивалась историография в период создания абсолютистских монархий. Большинство из них считает, что процесс оформления систем представлений о власти и идеологии этих монархий в значительной степени повлиял на пути развития историописания, а именно: большинство работ по истории, созданных в тот период, были в той или иной степени частью политических проектов по созданию государств раннего Нового времени. Однако в настоящей статье мы стремимся показать, что подобные представления в современных условиях разработки данной тематики могут считаться недостаточно оправданными. Интерес к прошлому в XVI—XVII веках возникал не только ради проектов по созданию новых монархических структур, но и по причине поиска новых систем ценностей. В результате религиозных войн, Тридцатилетней войны, формирования монархий с учетом интересов династий и групп знати, а также разделения Европы по конфессиональному принципу, историография XVII века вынуждена была соответствовать целям и задачам новых проектов по построению государств и властных структур. Особый интерес представляет проблема восприятия и систематизации исторических сочинений XVI века историками последующего периода, который можно в равной степени назвать как «историописанием эпохи конфессионализации», так и «историописанием эпохи абсолютизма». В настоящей статье на примере ключевых историков так называемой «французской школы» предпринята попытка показать, что тенденция историописания, заложенная в XVI веке, была критически переосмыслена последующим поколением исследователей, в частности Филиппом Лаббе (1607—1667), которое с высоты своего общественно-политического опыта, полученного уже в XVII веке, по-новому выстроило иерархию идей, высказанных в исторических трудах авторами предшествующего периода. Историописание XVI века, активно поддерживавшее проекты создания монархий, получило очень серьезную переоценку в контексте развития конфессиональной католической историографии, освещенной папским престолом. Тридентский собор и создание иезуитского ордена, призванные противодействовать распространению Реформации на севере Европы, привели к формированию во Франции про-французской королевской и вместе с тем про-папской историографии, которая отличалась крайней лояльностью к истории французской монархии и гуманистическим идеалам, но одновременно стремилась очертить собственный круг источников и выработать собственные представления. Историк про-папского направ-

ления Ф. Лаббе смог довольно успешно выстроить иерархию исторических сочинений предшествующего XVI столетия и отделить на основании достаточно тонких критериев труды, которые были ему близки по духу и концепции, от тех, которые с его точки зрения не соответствовали идеалам единой христианской Европы под эгидой папства.

В своих исследованиях Э. Кохрейн, У. Коннелл, Д. Келли говорят о создании в XVI веке «национальных» школ историописания, которые появились в контексте формирования абсолютистских монархий во Франции, Англии и имперских притязаний правителей Испании [Cochrane, 1981; Connell, 2012; Kelley, 1970]. Речь идет о процессах формирования историографии путем обращения сначала к вопросам всеобщей истории, унаследованным от средневекового историописания, а затем к вопросам конкретно-исторического периода в тех номинальных политических образованиях, то есть в королевствах и городах-государствах, интересы которых и представляли историки раннего Нового времени. Таким образом, главным тезисом упомянутых выше современных исследователей выступает идея о тесной увязке историописания и «национальных проектов» создания монархий на совершенно новых общественных основаниях эпохи раннего Нового времени. Эта точка зрения была развита Ш. Грелл, которая сделала акцент на значимости историографии для формирования позитивного образа королевской власти в контексте создания абсолютной монархии во Франции после окончания религиозных войн [Grell, 2006; Grell, 2007; Grell, 2012]. Однако, несмотря на большое количество работ по данной тематике, неизученными остались интересные тенденции в отношении критериев отбора, которыми руководствовался Филипп Лаббе, выделяя значимые, по его мнению, сочинения, принадлежавшие к крайне неоднородной историографии XVI века и соответствовавшие общественно-политическим вызовам современной ему эпохи.

2. Филипп Лаббе и его труд «Новая библиотека рукописных книг»

В середине XVII века наследие историков-гуманистов XVI века издавалось в значительных масштабах и было хорошо известно. Например, работы И. Ю. Скалигера (1540—1609), П. Питу (1539—1596) и Ж.-О. де Ту (1553—1617) были заново опубликованы, причем известность получили в том числе их наброски и подготовительные записки [Кулешова и др., 2019]. Но было бы ошибкой считать, что при переиздании данных работ не проводился их серьезный отбор и переосмысление. Известный французский историограф XVII века, иезуит Филипп Лаббе, заслугой которого является публикация и критическое издание источников и трудов

по истории Франции, продемонстрировал интересный для современного исследовательского анализа принцип отбора историков XVI века, заслуживавших, по его мнению, подлинного внимания. Вклад Лаббе в область изучения истории Средневековья состоит в первую очередь в составлении «Новой библиотеки рукописных книг» (*Nova bibliotheca manuscriptorum librorum*), капитального по замыслу издания источников по истории средневековой Европы, многие из которых были впервые предложены вниманию французского, а отчасти и европейского читателя [Лаббе, 1657]. Ф. Лаббе подчеркнул, что он в первую очередь использовал сличенные им лично первичные рукописи и не ставил своей целью переиздавать тексты, уже ранее опубликованные. Интересно отметить, что, будучи иезуитом, Ф. Лаббе стремился представить широкой публике источники, такие как «История» Исидора Севильского, которые ранее не использовались историками Франции, близкими к королевскому двору. Актуальность своей работы Ф. Лаббе видел в обращении к ранее не публиковавшимся исследованиям. В частности, в третьем абзаце предисловия к своему труду Ф. Лаббе говорит об особом качестве проделанной им работы, так как он впервые приводит уникальный источник, а именно протокол заседаний и решения собрания в Лиможе в 1031 году, являвшегося центральным для начала «Божьего мира»: *Quod autem ad Lemovicense Concilium spectat, paulo post obitum Roberti Pij Francorum Regis anno MXXXI, celebratum ...* [Labbe, 1657. Praefatio, fol. 1v.] (Что относится к собору в Лиможе, который собрался вскоре после смерти Роберта Благочестивого в 1031 году¹).

Из историков, служивших для гуманистов конца XVI века примером, Филиппу Лаббе хорошо известен был П. Питу и в меньшей мере А. Дюшен (1584—1640) [Duchesne, 1609] и М. Фреер (1565—1614) [Freher, 1613]. Все трое ассоциировались у Ф. Лаббе с проектом создания единого историописания, посвященного истории Франции и осуществлявшегося под эгидой королевской администрации. Не случайно в своей работе «Новая библиотека рукописных книг» он написал: *... non Francorum duntaxat Historicos Chronographosque sectari, ut Pithoeus, Freherus, Duchesnij ...* [Labbe, 1657, Praefatio, fol. 1v] (... я не выбираю для своей работы французских историков-хронографов, таких как Питу, Фреер, Дюшен ...). Для дополнения картины отметим, что Ф. Лаббе также выделил среди тех, чьи труды он отказался использовать, немецких историков Писториуса (1546—1608), Ройбера (1542—1607) и Урстиция (1546—1588), среди баварских — Голдастуса (1578—1635), из английских — Савиля (Sauillius) (1549—1622) и

1 Здесь и далее перевод авторов статьи. — Е. К., Д. С.

Кэмдена (Cambdenus) (1551—1623), не вдаваясь в перечисление историков Испании, Богемии и других европейских регионов [Ibid.]. Таким образом Ф. Лаббе провел значительную ревизию исторических сочинений предыдущей эпохи, отбросив не столь значимых, по его мнению авторов, прежде всего тех, кто в наибольшей степени был связан с интересами королевской власти, так называемых «королевских хронографов». Из рассмотрения оказались исключенными труды, тематика которых определялась интересами национальных монархий. Но одним из главных вопросов для нас является следующий — каков же был критерий отбора? Из каких историков XVI века Филиппу Лаббе необходимо было выбирать?

3. Французские историки XVI века в восприятии Филиппа Лаббе

Кроме Б. Дюгайяна и Э. Паскье большую роль в становлении собственно французской историографии сыграли братья Дю Тилле и К. Фоше [Du Tillet, 1578; Fauchet, 1579; Kelley, 1966]. Отправной точкой их исследований являлись представления о раннесредневековой истории французского королевства [Starostin et al., 2016]. Долгие годы они занимались разработкой единой хронологии и системы взглядов на основные исторические события [Huppert, 1970, p. 23—27]. В период с XVI по конец XVII веков историки постепенно преодолевали те мифы, которые сложились еще в Средневековье, и формировали новую точку зрения на историю королевства франков, опираясь на исследование источников. Одновременно происходил постепенный переход от созданных итальянскими гуманистами концепций истории и методов исторического исследования к более современным. Считается, что именно в это время формируется так называемый «галльский обычай» (*mos gallicus*) в изучении истории. Его особенность, в отличие от итальянской гуманистической и других европейских традиций, состояла в том, что именно во Франции у ученых, интересовавшихся прошлым, сложилось уникальное сочетание филологической образованности и интереса к историческим реалиям и принципам функционирования обществ прошлого [Kelley, 1970, p. 112—115]. Немаловажным фактором являлось то, что в отсутствие статуса профессионального историка важнейшую роль на этом поприще играли юристы и чиновники королевской администрации [De Smet, 2006, p. 185—193; Grell, 2012, p. 402; Huppert, 1970, p. 204]. Таким образом, формирование исторической науки раннего Нового времени во Франции имело свои особенности и, следовательно, может трактоваться как самостоятельная тенденция.

У Э. Паскье в его работе «Изыскания о Франции» (*Des recherches de la France*) история превратилась в исследование, посвященное доказа-

тельству тезиса об особой «выживаемости» королевства франков [Pasquier, 1560]. В частности, не обращая внимание на хронологическое изложение событий, Э. Паскье писал, объединяя истории разных королевств в одно повествование, в котором выдвигался тезис о том, что значимость королевства зависела от его способности изменяться в соответствии с обстановкой и выживать в контексте распада империи, а затем в контексте разделов этого королевства при Меровингах.

Toutes les fois que je considere en moy les traverses qu'a receu nostre Royame, je ne puis que avec grande admiration, je ne m'estonne & ne mettre entre les choses quie se sont passées plus miraculeusement en ce monde, comme il a esté possible que sain & entier il se soit perpetué iusques à nous. D'autant que s'il vous plaist repasser, la plus part des Royames qui se firent grands par les ruines de l'Empire, vous les trouverez avoir esté fort transitoirès, & par manière de dire, en moins de rien s'estre esuanovis en fumée. Car les Bougignons qui commencerent à s'accroistre en grandeur sur le temps de Gratian Empereur; se trouverent abastardis environ l'Empire d'Anastase: qui sont peut estre cent ans. Et le Vandales (appelez par nos enciens Vvandelx), qui sous Valentinian le tiers, par la semonce de Boniface, avoient avec leur Roy Gentzerich occupé le pays d'Affrique en furent totalement expulsez par le grand Bellisaire du temps de Justinian, c'est à dire, soixante ans apres leur entree: Semblablement les Ostrogots, qui avec leur Roy Theodoric consentement de l'Empereur Zenon, s'estoient fais maistres de l'Italie, & d'une partie de la Provence, furent de fonds en conble rasez par la derniere rencontre que Narses eut contr'eux du temps de l'Empereur Justin: qui est environ soixante ou quatre vingts ans pour le plus apres leur premiere venue. Et les Lombards, qui sous le mesme Empereur à l'instigation de Narses, s'emparerent de la Gaule Cisalpine, prenans leur fin souz notre preux Charlemagne, ne durent que deux cens dix ans. Nous seuls, qui avions comme les autres trouvy notre grandeur dedans les despouilles de Rome, sommes demourez redoutez & florissans jusques à huy, sans avoir enduré la possession d'autres Roys de ceux qui ont fait estat de la Gaule comme de leur vray sejour. Certes qui considerera noz affaires, à peine qu'il puisse bonnement ballancer auquel des deux nous sommes plus redevables de cette prosperité & bon-heur, ou à la fortune & hazard, ou à une bonne conduite. Car qui est celuy, je vous pry, qui ne trouve esmerveillable, quand apres la mort de Clovis le Royame ne commençant encore qu'à n'aistre, il se trouva par deux fois demembré en quatre parties, avec une infinité de guerres civiles, & neanmoins que la fortune nos fut de tant favorable, qu'apres tant de divisions, il re recon-solida, en fin de compte, par la mort des autres Roys, en un seul [Pasquier, 1581, p. 72—75] (Каждый раз, когда я размышляю о судьбах нашего королевства,

я могу только с большим восхищением удивляться вещам, которые чудесным образом произошли в этом мире, как стало возможным, что целое и невредимое оно [королевство] непрерывно продолжается до наших дней. Тем более что, если вы вспомните, большая часть королевств, которые размножились на руинах Империи, оказались в значительной степени временными и, образно говоря, в один миг развеялись как дым. Ибо Бургунды, величие которых начало умножаться во времена императора Грациана, оказались вырождающимися примерно во времена Империи Анастасия, что произошло в течение ста лет. И Вандалы, которые при императора Валентиниане III, после нагоняя Бонифация, заняли вместе с королем Гензерихом часть Африки, были полностью изгнаны Велизарием при императоре Юстиниане через шестьдесят лет после их появления. Подобным образом Остроготы, которые, с согласия императора Зенона, со своим королем Теодорихом стали хозяевами Италии и части Прованса, были стерты до основания в ходе последнего военного столкновения с Нарзесом в правление императора Юстина, что составило приблизительно шестьдесят или восемьдесят лет после их первого прихода. И Ломбарды, которые при том же императоре и при подстрекательстве Нарзеса заняли Цизальпинскую Галлию, обретя свой конец при нашем доблестном Карле Великом, просуществовали только двести десять лет. Мы единственные, кто так же, как и другие, обрел свое величие на обломках Рима, продолжаем оставаться на месте, возрастая и расцветая по сей день, не испытывая необходимости терпеть власть других королей, из тех, кто сделал Галлию своим истинным местопребыванием. Разумеется, тем, кто будет рассматривать наши дела, едва ли удастся запросто разобраться, чему из двух мы в большей степени обязаны своим счастливым процветанием: или счастливому случаю или хорошему управлению. Ибо то, что это так, никто не может не считать удивительным, так как после смерти Хлодвиг королевство, начинающее еще только зарождаться, два раза распалось на четыре части, за чем последовало бесчисленное количество гражданских войн, и однако фортуна была к нам настолько благосклонна, что после стольких разделов оно [королевство] вновь консолидировалось, в конце концов, после смерти всех других королей — под властью одного).

Э. Паскье предлагал, конечно, весьма патристическое изложение истории королевства франков. Однако заметим, что вместо простых слов о превосходстве мы находим анализ, осуществленный в терминах длительности исторического существования королевств, из которых Франция, хоть и сменив династии, единственная вышла из раннего Средневековья как наследница королевства франков. Данное изложение событий французской

истории было основано на мощном анализе временных периодов и имело собственный календарь событий. Этот календарь, заметим, не стыковался с ветхозаветным календарем, которым оперировала церковь со времени св. Августина. Отчасти поэтому, вероятно, Ф. Лаббе и рассматривал текст Э. Паскье в рамках «национальной», но не церковной истории.

Выдвинем предположение, что основной причиной отрицательного отношения Ф. Лаббе к большинству историков XVI века стали не их изыскания в области ранней истории королевства франков при Меровингах и Каролингах, которые были проведены на высоком уровне с опорой на оригинальные документы, что было трудно оспорить. Камнем преткновения для Ф. Лаббе как историка, близкого к папству, стали события так называемой «Сицилийской вечери». По-видимому, несмотря на в целом позитивное отношение к церкви, сложной проблемой для историков XVI века являлся титул короля Франции в отношении Сицилии, которая приобрела свой статус как часть империи благодаря кампаниям Фридриха II. Вероятно, Ф. Лаббе отверг Э. Паскье по причине того, что тот прямо восхвалял французских королей как восстановителей порядка в деле по осуждению последствий Сицилийской вечери, когда погибли все поддерживавшие французского короля вассалы на Сицилии [Pasquier, 1621, p. 213—214]. Однако сразу стоит отметить, что сам по себе факт превознесения воли короля был особенностью именно Э. Паскье, который хоть и цитировал в данном случае П. Эмилио [Emilio, 1550] и Б. Дюгайяна [Du Haillan, 1576], но делал свои собственные выводы: *Je veux avant que de passer outre reciter le texte entier de l'un de nos Cardinaux: Car à tout seigneur, tout honneur, dit nostre Proverbe François. Quand Pierre Roy d'Aragon (dit-il) outre plusieurs intellegences, qu'il auoit avec des infideles eut fait violer la saintete du jour des Paisques, pars l'horrible massacre des vespres Siciliennes le Pape Martin Quatrieme (dit Paul Aemile, & apres luy du Haillan) acquitta & absolut les Aragonnois du serment de fidelité qu'ils auoient fait audit Pierre: Et Philippe le Bel prist les armes pour l'exécution de la censure, & mourut en l'exécutant. Et me le Cardinal en jeu cet exemple, pour nonstrer auecques quelle facilité nos roys se font rendus protecteurs de les censures* [Pasquier, 1621, p. 213] (Прежде чем перейти к другим темам я хотел бы привести одну историю, рассказанную одним из наших кардиналов: Ибо «каждому сеньору своя честь», как говорит наша французская пословица. Когда король Петр Арагонский (сказал он), помимо многочисленных тайных связей, которые он имел с неверными, нарушил день святой Пасхи, учинив ужасную резню — Сицилийскую вечерю, папа Мартин IV (как пишут Павел Эмилий и Дюгаян) признал арагонцев невиновными и освободил от клятвы верности, которую они дали

вышеназванному Петру. И Филипп Красивый взялся за оружие, чтобы исполнить церковное осуждение, и умер в процессе. И кардинал рассказал мне эту историю, чтобы подчеркнуть, с какой легкостью наши короли становились покровителями церковных осуждений).

Однако данным парадоксальным пассажем «гордость» за французского короля у Э. Паскье не исчерпывалась. Далее он писал о том, как представители французской королевской семьи выступали за поддержание своего престижа в борьбе за титул короля Неаполя, и об участии в этом брата Людовика IX Святого Карла Прованского: *L'histoire nous est assez commune, & notoire, comme Charles Comte de Provence, & et de Amiens, frere de S. Louys, fut honore du Royaume de Naple par le pape, & des victoires qu'il obtint en batailles rangees, contre la posterité de Frederic second, Empereur, Roy de Sicile* [Ibid.] (Нам всем хорошо известна история, как Карл, граф Прованса и Амьена, брат Святого Людовика, посредством папы оказал честь королевству Неаполь, и победы, которые он одержал в сражениях против преемников Фридриха II, императора, короля Сицилии).

Казалось бы, в этих пассажах речь нигде не идет о подрыве авторитета папства как такового, и Э. Паскье в глазах Ф. Лаббе мог бы считаться одним из историков, целиком находившимся в лоне церкви. Но он стремился ограничить последнее в праве влиять на французских королей: *... nostre regle generale est, qu'en France nous devons vivre en la Religion Catholique Apostolique Romaine: Et celle de Rome, que le Pape ne peut rien attenter sur nos Roys, ny sur le Royame a leur prejudice* [Ibid., p. 219] (наше общее правило таково, что во Франции мы должны жить в рамках Католической Апостольской Римской Религии: и правило Рима в том, что Папа не может никак посягать ни на наших королей, ни на их королевство, исходя из своего предубеждения). В данном пассаже Э. Паскье отразил принципиальную позицию Галликанской церкви, состоявшую в идее неприкосновенности королевской власти со стороны папства.

Первые попытки изложения истории франков как части германской варварской истории принадлежат Беату Ренану и братьям Дю Тилле [Brown, 1998, p. 378; Du Tillet, 1578; Skovgaard-Petersen, 2002, p. 150—151]. Э. Паскье сконцентрировался на изучении галльского элемента, считая его основополагающим в формировании франкского королевства [Pasquier, 1560]. Б. Дюгайян, Н. Винье, а вслед за ними и А. Дюшен высказались за компромиссный вариант, полагая, что франки были в сравнительно короткие сроки ассимилированы галло-римлянами. Г. Шампюи и К. Фоше также считали франкское королевство в большей степени галло-римским по своим традициям и структуре [Grell, 2006, p. 140]. Все эти историки так или

иначе решали вопрос о происхождении французской государственности и корнях французской монархии. Где прежде всего искать истоки: в римской или германской традициях, или в их синтезе? Ответ был важен, чтобы определить место Франции в системе западноевропейских общественно-политических и культурных взаимоотношений. Тем не менее кто-то из историков был полностью забыт, а кто-то воспринимался Филиппом Лаббе как отрицательный пример. Тем интереснее случаи, когда автор с твердой про-королевской и в значительной степени анти-папской позицией тем не менее не попал в список историков, труды которых, по мнению Ф. Лаббе, заведомо не подлежали цитированию. Речь идет прежде всего о Бернаре Дюгайяне, известном своим обращением к хронике Фредегара (начало VII века) и ее включением в исторический нарратив.

Историописание, которое мы находим у П. Питу и Ж.-О. де Ту, отнесенных Ф. Лаббе к числу тех, кого он считал недостойными цитирования, очень похоже по своей структуре на нарратив Б. Дюгайяна. Заслуга данных историков в том, что они создали совершенно новое историческое повествование, основанное на принципах, отличных от тех, которые заложили, например, Л. Бруни, П. Эмилио и ряд других гуманистов. В частности, именно в их сочинениях мы находим полноценное развернутое повествование, которое полностью охватывает всю историю средневекового франкского королевства.

Важной особенностью повествования Б. Дюгайяна было то, что, опираясь на Фредегара, он сумел найти новый баланс между римским и варварским аспектами формирующихся раннесредневековых королевств. В частности, он уделял больше внимания тесному взаимодействию варваров и римлян и подчеркивал, что их сотрудничество не прекращалось даже после появления первых варварских королей. В то же время светская власть Римской империи рассматривалась им как воплощение тирании. Правда, это оставалось скорее в рамках научной полемики, чем расценивалось как политическое руководство к действию [Bouwisma, 1990; Jouanna, 1982].

4. Заключение

Парадоксальным образом, хотя Э. Паскье и Б. Дюгайян весьма резко относились к любой идее римского доминирования во Франции, работа первого была отвергнута Ф. Лаббе, а второй не заслужил от него никакого уничижительного комментария. Дю Тилле, несмотря на резкие высказывания в отношении папства, тоже не попал в список отвергнутых работ. Значит, дело было не просто в отношении к власти папства и самостоятельности королевской власти во Франции. Можно предположить, как мы

уже видели на основании приведенных цитат, что вопрос был в понимании необходимости сотрудничества между папством и королевской Францией в силу общей исторической судьбы, являющейся продолжением истории Римской империи. Довольно радикальный в этом отношении Э. Паскье отверг сотрудничество, а Б. Дюгайян, опираясь на Фредегара, смог найти его новые грани. По этой причине можно утверждать, что не просто конфессиональная точка зрения или близость к королю определяла оценку работ французских историков XVI века Филиппом Лаббе. Востребованным оказался именно консенсус, поэтому его сторонники, такие как Б. Дюгайян, даже несмотря на свою бравату в отношении папства, не стали предметом критики со стороны Ф. Лаббе.

Таким образом, можно утверждать, что Ф. Лаббе, исключив труд, например, Э. Паскье, из круга отобранных им исторических источников и сочинений, тем самым косвенно подтвердил, что французская историческая «национальная традиция» состояла в том числе и в особом отношении авторов к проблеме взаимодействия папства и королевской власти. Ф. Лаббе посредством своего труда, в рамках которого было выражено его отношение к историописанию, продемонстрировал, что появление «национальных» исторических традиций рассматривалось папством как отрицательный процесс. Труд Ф. Лаббе свидетельствует о том, что в папском окружении, безусловно, циркулировали идеи об объединении историописания под эгидой церкви и под контролем одобренного по результатам Тридентского собора иезуитского ордена. Именно так рассматривал ситуацию сам Ф. Лаббе, писавший под покровительством Николя Фуке, главного казначея французского двора в тот период. Ф. Лаббе отверг работы многих историков XVI — начала XVII веков, вычеркнув их из списка для цитирования в своем труде, и сделал это, вероятно, по той причине, что считал их слишком связанными с развивавшейся «национальной» традицией во французской историографии.

Источники

1. *Beatus Rhenanus. Rerum Germanicarum libri tres* / Beatus Rhenanus. — Basileae : Frobenius, 1531. — 194 p.
2. *Duchesne A. Les Antiquites et recherches de la grandeur et majeste des rois de France* / A. Duchesne. — Paris : Jean Petit-Pas, 1609. — 716 p.
3. *Du Haillan Bernard de Girard. L'Histoire de France* / Bernard de Girard Du Haillan. — Paris: L'Huillier, 1576. — 1303 p.
4. *Du Tillet J. Recueil des Roys de France, leurs couronne et maison, Ensemble, le rens des grands de France* / J. Du Tillet. — Paris : Chez Iaques du Puys, Libraire iuré en l'Uniuersité de Paris, 1578. — 471 p.

5. *Fauchet C.* Recueil des antiquitez galoises et francoises / C. Fauchet. — Paris : Jacques de Puy, 1579. — 139 p.
6. *Freher M.* Corpus francicae historiae veteris / M. Freher. — Hanau, 1613.
7. *Labbe P.* Nova Bibliotheca Manuscriptorum Librorum / P. Labbe. — Paris : Cramoisy, 1657. — 808 p.
8. *Emilio Paolo.* Pauli-Aemilii, Veronensis, historici clarissimi, de rebus gestis Francorum: libri X / Paolo Emilio. — Parisiis : Vascosanus, 1550. — 506 p.
9. *Pasquier E.* Des recherches de la France / E. Pasquier. — A Paris : Jean Longis, & Robert le Mâgnier, 1560. — 100 p.
10. *Pasquier E.* Des recherches de la France en deux tomes / E. Pasquier. — A Paris : Jean Longis, & Robert le Mâgnier, 1581.
11. *Pasquier E.* Des recherches de la France / E. Pasquier. — A Paris : Jean Longis, & Robert le Mâgnier, 1621.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кулешова Е. В.* Гуманистические представления об истории и основы новой хронологии Иозефа Юстуса Скалигера (1540—1609) / Е. В. Кулешова, Д. Н. Старостин // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 349—361. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-349-361.
2. *Старостин Д. Н.* Поздняя Римская империя в воззрениях ранних гуманистов и проблемы формирования исторической концепции перехода к Средним векам / Д. Н. Старостин, Е. В. Кулешова // Proslogion : проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. — 2016. — Т. 2. — С. 310—330.
3. *Bouteiller P.* Un historien du XVI siècle : Etienne Pasquier / P. Bouteiller // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. — 1945. — Vol. 6. — Pp. 357—392.
4. *Bouwma W. J.* A Usable Past : Essays in European Cultural History / W. J. Bouwsma. — Berkeley : The University of California Press, 1990. — 444 p.
5. *Brown E. R.* The Trojan Origins of the French and the Brothers Jean du Tillet / E. R. Brown // After Rome's Fall : narrators and sources of medieval history. Essays presented to Walter Goffart / Ed. Goffart, W. & Murray A. C. — Toronto : University of Toronto Press, 1998. — Pp. 348—384.
6. *Cochrane E. W.* Historians and historiography in the Italian Renaissance / E. W. Cochrane. — Chicago : University of Chicago Press, 1981. — 649 p.
7. *Connell W. J.* Italian Renaissance Historical Narrative / W. J. Connell // The Oxford History of Historical Writing / Ed. Rabasa J., Sato M., Tortarolo E., Woolf D. R., & Hesketh I. — Oxford : Oxford University Press, 2012. — Pp. 347—363.
8. *De Smet I.* Thuanus : the making of Jacques-Auguste de Thou (1553—1617) / I. De Smet. — Genève : Droz, 2006. — 344 p.
9. *Grell C.* Les historiographies en France, XVI—XVIII siècles / C. Grell // Les historiographies en Europe de la fin du moyen âge à la revolution / C. Grell. — Paris : Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2006. — Pp. 127—156.
10. *Grell C.* L'histoire au service d'ambitions hégémoniques. La monarchie française et l'instrumentalisation du passé au XVIIe siècle / C. Grell // Les cours d'Espagne et de France au XVIIe siècle / Ed. Grell C. & Pellistrandi B. — Madrid : Casa de Velázquez, 2007. — 352 p.
11. *Grell C.* History and Historians in France, from the Great Italian Wars to the Death of Louis XIV / C. Grell // The Oxford History of Historical Writing / Ed. Rabasa J., Sato M.,

Tortarolo E., Woolf D. R., & Hesketh I. — Oxford : Oxford University Press, 2012. — Pp. 384—405.

12. *Huppert G.* The idea of perfect history ; historical erudition and historical philosophy in Renaissance France / G. Huppert. — Urbana : University of Illinois Press, 1970. — 215 p.

13. *Jouanna A.* Histoire et polemique en France dans la seconde moitié du XVI siècle / A. Jouanna // *Storia della Storiografia*. — 1982. — Vol. 2. — Pp. 57—76.

14. *Kelley D.* Jean Du Tillet, Archivist and antiquary / D. Kelly // *Journal of modern history*. — 1966. — Vol. 38. — Pp. 337—354.

15. *Kelley D. R.* Foundations of modern historical scholarship : language, law, and history in the French Renaissance / D. R. Kelly. — New York : Columbia University Press, 1970. — 321 p.

16. *Skovgaard-Petersen K.* Historiography at the court of Christian IV (1588—1648) : Studies in the Latin histories of Denmark by Johannus Pontanus and Johannes Meursius / K. Skovgaard-Petersen. — Copenhagen : University of Copenhagen, 2002. — 454 p.

17. *Starostin D.* French érudites and the construction of Merovingian history / D. Starostin, E. Kuleshova // *Historia da História*. — 2016. — № 21. — Pp. 77—95.

PROBLEM OF REINTERPRETATION OF THE ACHIEVEMENTS OF THE 16TH CENTURY FRENCH HISTORIOGRAPHY IN THE WORK OF PHILIPPE LABBE (1607—1667) “A NEW LIBRARY OF MANUSCRIPT BOOKS»

© **Elena V. Kuleshova (2020)**, orcid.org/0000-0003-1021-4769, PhD in History, associate professor; Department of History of the Middle Ages, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), e.kuleshova@spbu.ru.

© **Dmitry N. Starostin (2020)**, orcid.org/0000-0001-9448-834X, PhD in History, associate professor; Department of History of the Middle Ages, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), d.starostin@spbu.ru.

Using the key historians of the so-called “French school” as an example, it is shown that the tendency of historical writing, laid down in the 16th century, underwent a critical reappraisal in the subsequent period. The authors of the article show that F. Labbe (1607—1667) in his work “The New Library of Manuscript Books” (*Nova Bibliotheca Manuscriptorum Librorum*) conceptually rethought the list of those historians who, in his opinion, deserve the attention of his contemporaries. It is alleged that works which subject matter was closely related to the interests of national monarchies appeared to be out of view. It is noted that F. Labbe, as a representative of the Jesuit Order and, therefore, the spokesman for the interests of the Catholic Church, insisted on the need for cooperation between the papacy and the French kingdom. It is emphasized that, from the point of view of Labbe, the historical works of the 16th century deserved attention, which emphasized primarily the common historical fate of Western European states under the auspices of the church and the papacy as continuers of the Roman Empire's tradition threatened by the spread of the Reformation. The authors conclude that the reevaluation of the works of French historians of the 16th century by researchers of the next generation was far from always determined by a purely confessional point of view or proximity to royal power.

Keywords: Philip Labbe (1607—1667); Bernard Du Haillan; Etienne Pasquier; France; royal historiography.

MATERIAL RESOURCES

- Beatus Rhenanus. (1531). *Rerum Germanicarum libri tres*. Basileae: Frobenius. (In Fren.).
- Duchesne, A. (1609). *Les Antiquites et recherches de la grandeur et majeste des rois de France*. Paris: Jean Petit-Pas. (In Fren.).
- Du Haillan Bernard, de Girard. (1576). *L'Histoire de France*. Paris: L'Huillier. (In Fren.).
- Du Tillet, J. (1578). *Recueil des Roys de France, leurs couronne et maison, Ensemble, le reings des grands de France*. Paris: Chez Iaquas du Puys, Libraire iuré en l'Uniuersité de Paris. (In Fren.).
- Emilio, Paolo. (1550). *Pauli-Aemilii, Veronensis, historici clarissimi, de rebus gestis Francorum: libri X*. Parisiis: Vascosanus. (In Fren.).
- Fauchet, C. (1579). *Recueil des antiquitez galoises et francoises*. Paris: Iacques de Puy. (In Fren.).
- Freher, M. (1613). *Corpus francicae historiae veteris*. Hanau. (In Fren.).
- Labbe, P. (1657). *Nova Bibliotheca Manuscriptorum Librorum*. Paris: Cramoisy.
- Pasquier, E. (1560). *Des recherches de la France*. A Paris: Iean Longis, & Robert le Mâgnier. (In Fren.).
- Pasquier, E. (1581). *Des recherches de la France*. A Paris: Iean Longis, & Robert le Mâgnier. (In Fren.).
- Pasquier, E. (1621). *Des recherches de la France*. A Paris: Iean Longis, & Robert le Mâgnier. (In Fren.).

REFERENCES

- Bouteiller, P. (1945). Un historien du XVI siècle: Etienne Pasquier. *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*, 6: 357—392. (In Fren.).
- Bouwsma, W. J. (1990). *A Usable Past: Essays in European Cultural History*. Berkeley: The University of California Press.
- Brown, E. R. (1998). The Trojan Origins of the French and the Brothers Jean du Tillet. In: *After Rome's Fall: narrators and sources of medieval history. Essays presented to Walter Goffart*. Toronto: University of Toronto Press. 348—384.
- Cochrane, E. W. (1981). *Historians and historiography in the Italian Renaissance*. Chicago: University of Chicago Press.
- Connell, W. J. (2012). Italian Renaissance Historical Narrative. In: *The Oxford History of Historical Writing*. Oxford: Oxford University Press. 347—363.
- De Smet, I. (2006). *Thuanus: the making of Jacques-Auguste de Thou (1553—1617)*. Genève: Droz.
- Grell, C. (2006). Les historiographies en France, XVI—XVIII siècles. In: *Les historiographes en Europe de la fin du moyen âge à la revolution*. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne. 127—156. (In Fren.).
- Grell, C. (2007). L'histoire au service d'ambitions hégémoniques. La monarchie française et l'instrumentalisation du passé au XVIIe siècle. In: *Les cours d'Espagne et de France au XVIIe siècle*. Madrid: Casa de Velázquez. (In Fren.).

- Grell, C. (2012). History and Historians in France, from the Great Italian Wars to the Death of Louis XIV. In: *The Oxford History of Historical Writing*. Oxford: Oxford University Press. 384—405.
- Huppert, G. (1970). *The idea of perfect history; historical erudition and historical philosophy in Renaissance France*. Urbana: University of Illinois Press.
- Jouanna, A. (1982). Histoire et polemique en France dans la seconde moitie du XVI siècle. *Storia della Storiografia*, 2: 57—76. (In Fren.).
- Kelley, D. (1966). Jean Du Tillet, Archivist and antiquary. *Journal of modern history*, 38: 337—354.
- Kelley, D. (1970). *Foundations of modern historical scholarship: language, law, and history in the French Renaissance*. New York: Columbia University Press.
- Kuleshova, E. V., Starostin, D. N. (2019). Gumanisticheskiye predstavleniya ob istorii i osnovy novoy khronologii Iozefa Yustusa Skaligera (1540—1609). *Nauchnyy dialog*, 9: 349—361. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-349-361. (In Russ.).
- Skovgaard-Petersen, K. (2002). *Historiography at the court of Christian IV (1588—1648): Studies in the Latin histories of Denmark by Johannus Pontanus and Johannes Meursius*. Copenhagen: University of Copenhagen.
- Starostin, D. N., Kuleshova, E. V. (2016). Pozdnyaya Rimskaya imperiya v vozzreniyakh rannikh gumanistov i problemy formirovaniya istoricheskoy kontseptsii perekhoda k Srednim vekam. *Proslogion: problemy sotsialnoy istorii i kultury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni*, 2: 310—330. (In Russ.).
- Starostin, D., Kuleshova, E. (2016). French érudites and the construction of Merovingian history. *Historia da Históriografia*, 21: 77—95. (In Fren.).